

Глава XLII. ПРИЧИНЫ ДВИЖЕНИЯ 31 МАЯ

Каждый день в течение первых пяти месяцев 1793 г. борьба между Горой и Жирондой становилась все ожесточеннее по мере того, как три великих вопроса яснее и определеннее выступали перед Францией.

Во-первых, будут ли уничтожены без выкупа все феодальные повинности? Или же эти пережитки крепостного состояния будут по-прежнему парализовать земледелие и причинять периодические голодовки в деревнях? Вопрос громадный, жизненный для 20 млн. сельского населения, в том числе и для всех тех, кто покупал национальные имущества, конфискованные у духовенства и эмигрантов.

Во-вторых, останутся ли сельские общины в обладании мирскими землями, которые там и сям они отобрали назад у помещиков, захвативших эти земли? Будет ли признано право вернуть себе бывшие мирские земли за теми общинами, которые еще этого не сделали? Будет ли признано право на землю за каждым гражданином?

Наконец, в-третьих, будет ли введен закон о максимуме, т. е. такса на хлеб и на другие припасы первой необходимости?

Эти три вопроса были жизненными вопросами для Франции, и они делили страну на два враждебных лагеря: лагерь собственников и лагерь тех, у кого ничего не было; тех, кто богател, несмотря на народную нищету, на голод и на войну, и тех, кто нес всю тягость войны на своих плечах и простаивал часы, а нередко и целые ночи напролет перед дверьми булочных и все-таки после этого возвращался домой без самого необходимого куска хлеба.

А между тем месяцы проходили — пять месяцев, семь месяцев прошло со времени открытия Конвента, — и Конвент ничего еще не предпринял для решения великих вопросов, поставленных революцией. Народные представители спорили, спорили без конца между собой. Взаимное озлобление партий, из которых одна представляла богатых, а другая защищала интересы бедных, росло с каждым днем, и не предвиделось никакого выхода, никакого возможного соглашения между теми, кто «защищал имущества», и теми, кто нападал на них.

Правда, что и сами «горцы» (монтаньяры) не имели определенных воззрений по экономическим вопросам и делились на две группы, из которых одна шла гораздо дальше другой. Та группа, к которой принадлежал Робеспьер, была склонна к воззрениям, почти настолько же благоприятным для собственников, как и жирондисты. Но, как бы мало симпатичен ни был нам лично Робеспьер, нужно сказать, что он развивался вместе с

революцией и что к страданиям народа он всегда относился сочувственно. Еще в 1791 г. он поднял в Учредительном собрании вопрос о возврате общинам отобранных у них мирских земель. Теперь, когда эгоизм собственников и «коммерсаннизм» буржуазии выступали все резче и резче, Робеспьер открыто стал на сторону народа и революционной Коммуны города Парижа, т. е. тех, кого жирондисты называли тогда «анархистами».

«Продукты, необходимые для прокормления народа, — говорил он на трибуне в Конвенте, — так же священны, как и человеческая жизнь. Все что необходимо для сохранения жизни, составляет собственность, принадлежащую всему обществу. Один только избыток составляет частную собственность, и только этот избыток может быть предоставлен торговле».

Нельзя не пожалеть, что это коммунистическое начало не стало лозунгом социалистов XIX в. вместо государственного «коллективизма», предложенного Пеккером и Видалем в 1848 г. Как много для будущего могло бы сделать движение Парижской Коммуны 1871 г., если бы оно признало, что все необходимое для сохранения жизни так же священно, как и самая жизнь человеческая, и составляет общую собственность всего народа! Если бы своим лозунгом оно провозгласило «общину, организующую потребление и благосостояние для всех»!

Везде и всегда революции делались меньшинством. Даже среди тех, кому революция приносит прямые выгоды, всегда встречается только меньшинство, готовое отдаться ей. Так было и во Франции в 1793 г.

Как только королевский деспотизм был низвергнут, в провинциях сейчас же поднялось движение против революционеров, которые казнью короля бросили вызов всей Европе. «А, злодеи! — говорилось в дворянских замках, в салонах буржуазии, на съездах духовенства. — Они посмели это сделать! Они, стало быть, ни перед чем не остановятся: они нас ограбят и нас тоже гильотинируют!» И заговоры контрреволюционеров стали вестись повсеместно с усиленным рвением. Римская церковь, все европейские дворы, английская буржуазия — все принялись за общую работу подпольных интриг и пропаганды, чтобы организовать контрреволюцию в самой Франции.

Приморские города, как Нант, Бордо и Марсель, где имелось много богатых коммерсантов, Лион — промышленный город, занятый производством предметов роскоши, торгово-промышленные города, как Руан, стали могучими центрами реакции. Целые области обрабатывались священниками, дворянами-эмигрантами, вернувшимися под чужими именами, а также английским и орлеанистским золотом и эмиссарами из Италии, Испании и даже из России.

Для всей этой массы контрреволюционеров жирондисты служили соединительным звеном. Роялисты поумнее прекрасно поняли, что, несмотря на свой поверхностный республиканизм, жирондисты будут их союзниками; что к этому вела их логика их партии, которая всегда сильнее ярлыка партии. И народ тоже прекрасно это понял. Он понял, что, покуда жирондисты останутся преобладающей партией в Конвенте, никаких истинно революционных мер нельзя будет принять и что война, которую эти сибариты будут вести

полегоньку, затянется без конца и в корень истощит Францию.

И по мере того как необходимость «очистить Конвент», т. е. удалить из него жирондистских вождей, становилась очевиднее, народ стал организовываться для борьбы против жирондистов и фельянов на местах — в провинциальных городах и по деревням. Выше было уже сказано, что директории департаментов*были большей частью проникнуты реакционным духом. Большинство директорий округов тоже принадлежало к тому же направлению. Но муниципалитеты, городские и деревенские, созданные законом 22 декабря 1789 г., были более близки к народу. Правда, что летом 1789 г., когда их назначала сама вооружавшаяся буржуазия, городские муниципалитеты в некоторых областях зверски отнеслись к крестьянским восстаниям. Но по мере того как развивалась революция, муниципалитеты, выбранные, а иногда и просто назначенные народом часто среди грохота восстания и всегда находившиеся под надзором народных обществ, принимали более революционный характер.

*Они соответствовали приблизительно нашим губернским земским управам; директории же округов соответствовали уездным земским управам.

В Париже раньше 10 августа Совет Коммуны был буржуазно-демократического направления. Но как мы видели, в ночь на 10 августа новая, революционная Коммуна была избрана секциями*. И хотя Конвент по настоянию жирондистов сменил эту Коммуну, но новая Коммуна, избранная 2 декабря 1792 г. и имевшая мэром — Паша, прокурором — Шометта и помощником прокурора — Эбера, была откровенно революционного направления.

*Совет Коммуны, или ее Генеральный совет, постоянно назывался в документах того времени просто «Коммуна».

Нет никакого сомнения, что собрание городских чиновников, облеченных такими широкими и разнообразными полномочиями, как Совет Коммуны города Парижа, хотя оно было революционного происхождения, все-таки неизбежно приняло бы мало-помалу умеренный, бюрократический характер. Но революционная деятельность парижского народа выражалась главным образом в его секциях, а в секциях революционный дух сохранился гораздо дольше. Впрочем, и секции тоже, по мере того как они присвоили себе полицейские обязанности (право выдавать аттестаты гражданства — *cartes civiques*, свидетельствующие, что такой-то гражданин не конспиратор-роялист; выбор волонтеров, отправлявшихся сражаться в Вандее против восставших крестьян, и т. п.), а тем более с тех пор как Комитет общественного спасения и Комитет общественной безопасности постарались обратить секции в свои полицейские органы, — секции тоже со временем обращались понемногу в бюрократические учреждения; так что в 1794 г. некоторые из них были уже центрами объединения для реакционной буржуазии. Но в 1793 г. секции еще были в руках народа и оставались вполне революционными. Притом рядом с Коммуной и ее секциями возникла целая сеть народных и братских обществ, а также образовались революционные комитеты, которые в течение II года республики (1793—1794) были еще центрами революционного действия.

Все эти группировки объединялись между собой либо для определенных временных целей, либо для настоящего совместного действия; и они вступали в переписку с 40 тыс. коммунами и секциями по всей Франции. С этой целью было даже организовано особое «бюро корреспонденции». Таким образом создавалась совершенно новая, добровольная организация. И когда мы изучаем эти группировки — эти «вольные соглашения», мы видим в них то, что теперь проповедуется во Франции анархистами, не подозревающими, что их деды уже практиковали подобные соглашения в такую трагическую минуту, как первые месяцы 1793 г.*

*Мортимер Терно, хотя и крайний реакционер, но изучавший документы Коммуны и секций, указал уже на эту двойную организацию (см.: Ternaux M. L'histoire de la Terreur, v. 1—8. Paris, 1862—1889, v. 7; см. также: Олар А. Политическая история Французской революции. М., 1902, ч. II, гл. V; Histoire socialiste (1789—1900) sous la direction de J. Jaures, v. 1—10. Paris, [1901—1910], v. 4. La Convention, p. 1254, где есть об этом прекрасные строки.

Большая часть историков, сочувствующих революции, когда они доходят до трагической борьбы, завязавшейся между Горой и Жирондой, останавливаются слишком долго, по моему мнению, на второстепенных причинах этой борьбы. Так, они придают слишком много значения так называемому федерализму жирондистов.

Правда, что после 31 мая, когда во многих департаментах вспыхнули жирондистские и роялистские восстания, слово «федерализм» стало в документах того времени главным обвинением «горцев» против жирондистов. Но это слово было в сущности не что иное, как боевой лозунг, кличка, удобная для обвинения враждебной практики. Как таковая, она имела успех. Но в действительности федерализм жирондистов состоял вовсе не в политической теории, известной теперь под именем федерализма, а как это уже заметил Луи Блан, в их ненависти против Парижа, в их желании противопоставить реакционную провинцию революционной столице. «Они боялись Парижа, в том был весь их федерализм», — говорил Луи Блан*.

*Blanc L. Histoire de la Revolution francaise, v. 1—3. Paris, 1869, v. 2, l. 8, ch. IV.

Они ненавидели Парижскую коммуну, они боялись влияния, приобретенного Коммуной, ее секциями, революционными комитетами и парижским народом вообще. Если они говорили о перенесении Законодательного собрания, а потом и Конвента в какой-нибудь провинциальный город, они делали это вовсе не из любви к автономии провинций. Их желание было поместить законодательное представительство страны и ее исполнительную власть посреди населения, менее революционного, чем население Парижа, и более равнодушного к политическим вопросам. Так поступала королевская власть в средние века, когда предпочитала зарождающийся город, «королевский город», старым вечевым городам. Того же самого хотел Тьер в 1871 г., когда предпочитал держать палату в Бордо и Версале и противился перенесению ее в Париж*.

*Когда жирондисты хотели собрать в Бурже комиссаров от департаментов, «они не ограничились бы этим перенесением, — говорит Тибодо в своих «Мемуарах». — Составился бы новый Конвент» (Thibaudeau A. Memoires sur la Convention et le Directoire, v. 1. Paris, 1824).

Наоборот, во всем том, что делали жирондисты, они показали себя такими же централистами и сторонниками сильной центральной власти, как и «горцы». Может быть, даже больше их, так как монтаньяры, приезжая в провинцию как комиссары Конвента, опирались не на органы центральной бюрократии, не на директории департаментов и округов, а на местные народные общества и муниципалитеты. И если впоследствии жирондисты, изгнанные из Конвента народным движением 31 мая, обратились к провинциям против Парижа, то поступили они так, чтобы направить против революционеров-парижан, выгнавших их из Конвента, контрреволюционные силы буржуазии больших торговых городов и недовольных крестьян Нормандии, Бретани, Вандеи. Но как только реакция взяла верх 9 термидора (27 июля 1794 г.) и жирондисты вернулись к власти, они показали себя, как подобает партии порядка, еще более централистами, чем монтаньяры.

Олар, который тоже довольно много говорит о «федерализме» жирондистов, делает, однако, одно очень верное замечание. Раньше установления республики, говорит он, никто из жирондистов не выказывал никаких федералистических наклонностей. Барбару, на« пример, высказывался вполне как централист, как видно из следующих слов, приводимых Оларом из его речи, произнесенной в департаменте Буш-дю-Рон: «Федеральное правительство, — говорил он, — непригодно для большой нации вследствие медленности исполнительных действий, вследствие множества инстанций и сложности механизма». В проекте конституции, выработанном жирондистами в 1793 г., нет никакой серьезной попытки выработать федеративную организацию. Они остались в этом проекте централистами*.

*«Мне неизвестно, чтобы кто-нибудь из них приписывал себе эту честь», — говорит Тибодо о так называемом федерализме жирондистов (Thibaudeau A. Op. cit, v. 1, p. 38). Что касается до Марата, то он совершенно откровенно выразился насчет этого в своем «Друге народа» 24 мая 1793, стр. 2: «Вожаков этой адской фракции часто обвиняли в федерализме: я должен признаюсь, что никогда не разделял этого чувства, хотя мне и случалось воспроизводить это обвинение», — писал он.

С другой стороны, Луи Блан слишком много говорит о «горячности» жирондистов, о честолюбии Бриссо, столкнувшемся с честолюбием Робеспьера, о «ранах», нанесенных «ветреными жирондистами» самолюбию Робеспьера, который потом не захотел их простить. И Жорес тоже, по крайней мере в первой части тома, посвященного им Конвенту, выражает ту же мысль*, что, впрочем, не мешает ему дальше, когда он доходит до борьбы между парижским народом и буржуазией, указать на другие причины этой борьбы, гораздо более действительные, чем столкновения самолюбия и «эгоизм власти».

*Jaures J. Histoire socialiste, v. 3—4. La Convention. Paris, 1904, p. 388, 394, 396, 1458.

Нет спора, что «горячность» жирондистов, так картинно описанная Луи Бланом, и борьба честолюбии существовали и делали столкновение более озлобленным. Но борьба между Горой и Жирондой имела, как мы видели, основания несравненно более глубокие, чем какие бы то ни было личные столкновения. Эти основания, сам Луи Блан уже указал их, когда воспроизвел, по жирондисту Гара, речь, которую Гора могла держать Жиронде, и вероятный ответ этой последней.

«Не вам, — говорит Жиронда, — управлять Францией, когда у вас руки обагрены кровью сентябрьских дней. Законодатели богатой и промышленной страны должны смотреть на собственность как на одну из самых священных основ общественного порядка; и не вам исполнять миссию, данную Францией своим законодателям, когда вы проповедуете анархию, покровительствуете грабежам и пугаете собственников... Вы призываете против нас своих парижских убийц: мы призываем против вас «честных людей» (les honnetes gens, т. е. буржуазию) всей Франции».

На что Гора отвечает:

«Мы обвиняем вас в том, что вы пользуетесь своими талантами для своего личного возвышения, а <»е для равенства... Покуда король предоставлял вам управление, чрез посредство назначавшихся вами министров, вы находили его достаточно хорошим владыкой... Вы никогда не питали мысли поднять Францию до великой будущности республики, вы хотели сохранить в ней короля, у которого вы состояли бы мажордомами».

Мы скоро убедимся, в следующих главах, как верно было это последнее обвинение, когда увидим Барбару на юге Франции, и Луве в Бретани, идущих рука об руку с роялистами, и когда столько жирондистов вернутся к власти вместе с «белыми» после термидорского переворота. Но продолжаем ответ Горы:

«Вы хотите свободы без равенства, — говорит дальше Гора, — а мы хотим равенства, хотим, потому что без равенства мы не можем представить себе свободы. Вы «государственные люди», вы хотите организовать республику для богатых, а мы люди не государственные... мы ищем законов, которые извлекли бы бедных из нищеты и сделали бы из всех людей при всеобщем благосостоянии счастливых граждан и ярых защитников всеми обожаемой республики».

Очевидно, здесь столкнулись два совершенно разных представления об обществе. Так и поняли борьбу Горы с Жирондой современники*.

*Можно было бы привести множество цитат в подтверждение. Следующие две могут быть даны как образцы многих других «Жирондисты хотели остановить революцию на буржуазии», — писал Бодо. Они хотели «втихомолку устроить буржуазную аристократию, которая заступила бы место дворянства и духовенства», — говорил Бурдон из Уазы 31 мая в Клубе якобинцев (La Societe des Jacobins. Recueil des documents. Red. et introd. par A Aulard v. 1-6. Paris, 1889-1897, v. 5, p. 220).

В сущности дело обстояло так. Предстояло одно из двух: или революция ограничится тем, что низвергла короля и, не постаравшись даже закрепить свое дело глубоким переворотом в воззрениях нации в республиканском смысле, не сделавши ничего, чтобы заинтересовать народные массы в совершившемся политическом перевороте, она успокоится на этом первом своем успехе и предоставит Франции отбиваться, как она сможет, от нашествия немцев, англичан, испанцев и итальянцев, опирающихся на сторонников королевской власти внутри самой страны.

Или же революция теперь же сделает попытку идти дальше «в смысле равенства», как тогда говорили. Она закончит наконец дело уничтожения без выкупа феодальных прав и возвратит общинам право на мирские земли, отобранные у них за последние 200 лет; она положит начало обобществлению земли, признав право каждого на землю; она утвердит дело, начатое четыре года тому назад восставшими крестьянами и, с поддержкой самих народных масс, будет искать, «как вывести бедных из нищеты»; она попытается ввести, если это будет возможно, не всеобщее равенство состояний, а «благосостояние для всех», «всеобщее благосостояние». И ради этого она вырвет власть из рук богатых и передаст ее в руки общин и народных обществ.

Глубокое различие этих двух воззрений уже объясняет вполне кровавую борьбу, которая началась после падения королевской власти в Конвенте, а с ним вместе и во всей Франции. Все остальные причины, обострявшие борьбу, имеют лишь второстепенное значение.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 26 апреля 2025 18:45:07

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 26 апреля 2025 18:45:39